

, Рига, 1923

FB2: "vladk ", 27.12.2010, version 1.0

UUID: OoFBTools-2010-12-27-12-31-52--4

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Валентинович
Амфитеатров

Точка опоры

Александр Амфитеатров

Точка опоры

Рассказ

***Рис. Л. Голубева-
Багрянородного***

Дмитрий Алексеевич Слюзин возвратился домой, к немалому ужасу своей квартирной хозяйки, в четыре часа утра, не раздеваясь лег в постель, и заснул... Но сперва несколько слов о Дмитрие Алексеевиче. Слюзин имел за собою одно качество прекрасное само по себе, но крайне неудобное в общежитии: он был *гением*, хотя и непризнанным, но настоящим гением-изобретателем, как Кеплер, Ньютон, Архимед. Правда, по великой скромности и застенчивости, он не оповещал миру о своих великих открытиях, но ему было ведомо то, что еще лет двести будет сниться нашим мудрецам. В книжном шкафу Слюзина, вот уже четыре года, тикали, не останавливаясь, без завода, какие то часики, и Слюзин имел дерзость утверждать, будто они и не перестанут тикать, потому что часики эти — вовсе не часики, а... *perpetuum mobile*. Квадратура круга была найдена Слюзиным еще раньше. Но днем его полного торжества был день, когда он записал в своем дневники:

— «До сих пор я думал, что Архимед был умнее меня. А вот и не правда: я не в пример

умнее. Он только мечтал найти точку опоры, чтобы перевернуть весь мир, а я взял да и нашел эту точку. А где именно — дудки! не скажу! —»

Тремя сутками позже Слюзин писал:

— «А преприятно, однако, сознание, что весь мир в твоей власти. Он живет, суетится, устраивает войны и революции, и не подозревает, шельма, что стоит мне топнуть ногою, — и все пойдет прахом! Вот то получится яичница! Топнуть что ли?»

Еще неделю позже:

— «Нет, не резон топать. Что вселенная полетит вверх тормашками — это наплевать, но, позвольте, куда же я сам денусь? Вычислил, что образую комету, совершающую путь свой вокруг солнца в 4 318 275 896 лет. Не стоит. Чорт с тобою! Живи, вселенная!»

Мало по малу, Слюзин настолько привык к своему открытию, что не только успокоился насчет светопреставления, но даже, как будто забыл о том, что он владыка мира. Это бывает. Ученые, а особенно математики — народ рассеянный.

Зато приключился с Дмитрием Алексееви-

чем случай, стоящий светопреставления: Дмитрий Алексеевич встретил некую девицу, уже около 15 лет сгоравшую непреодолимой жаждой выйти замуж, и не устоял против ея настойчивой воли. Пожалуй, тоже от рассеянности.

Плохие дни выпали с тех пор на долю бедного математика! Вместо квадратуры круга ему пришлось изучать счета портних, шляпниц, обувных и парфюмерных магазинов. Ни интегралы, ни дифференциалы не помогли Слюзину разобраться в финансовой политики своей супруги. Эта легкомысленная дама совершенно презирала науку своего мужа, а невежественна была настолько, что лишь однажды поинтересовалась узнать, где водится логарифм и чем его кормят? Хуже всего было то, что она презрительно смеялась над требованиями пропорциональности доходов с расходами, и когда оные первые не покрывали сих вторых, не стеснялась пускать в оборот первую попавшуюся ценную вещь мужа, В числе подобных безвозвратных потерь оказался и *regretium mobile* — благо механизм последняго был, конечно, сделан из тугоплав-

кой и еще хуже ковкой платины.

Даже Слюзин потерял терпение:

— Сударыня — сказал он жене — знаете ли вы, кто такое я?

— Знаю, — отвечала супруга — вы — дурак, тиран и изверг!

Слюзин смутился: к столь определенному ответу он не был подготовлен.

— Нет-с, неправда, — возразил он — я ни тиран, ни дурак, ни изверг, а великий гений, творец *perpetuum mobile* которого искали Роджер Бэкон, Галилей, Кеплер, все ученые, до Эдисона включительно, — и никто не нашел, кроме меня, и которое вы нынче продали ... стыдно сказать ... за 2 доллара!

— А что мне за дело до ваших Галилея, Бэкона и Кеплера, — раз мне нужны новые перчатки?

— Сударыня, вы, кажется, даже не знаете, кто они такие?

— Да уж, верно, такие же нищие, как вы сами, если вы их знаете! Разве порядочные люди станут с вами знаться? Сам проходимец и знакомых проходимцев завел.

Жизнь Слюзина превратилась в ад, и бед-

няк серьезно начал подумывать о самоубийстве. Но ни револьвер, ни бритва, ни веревка не улыбались Слюзину. Великий ученый не должен завершать жизни, как обыкновенный смертный, обыкновенным, пошлым самоубийством. Однажды, когда он меланхолически сосредоточил свое внимание именно на выборе способа смерти, слуха его коснулась следующая реплика жены:

— Сидишь, как пень, лентяй этакий! У жены всего два платьишка несчастных, а тебе хоть бы что! Знай мажет бумагу своими проклятыми цифрами и в ус себе не дует, хоть весь мир стань вверх дном...

— Эврика!!! — возопил Дмитрий Алексеевич, и как был, без шапки, выскочил из дома.

Долго ли, коротко ли бежал он — неизвестно, — но, наконец, оглянувшись вокруг, воскликнул.

— Капут, ребята!

Да как хватит каблуком о земь!

Батюшки! Что сделалось! Мир затрепал и покачнулся в основах! Все пошло вверх тормашками, — и Иокогамское землетрясение в сравнении с этим было мальчишка и щенок!



*КОЕ-ТО БЫЛО, БУДЕТ ИЛИ
ВЫСКОЧУТ ИЗ ДОМА.*

Мимо Слюзина летали города, реки, леса, горы, звери, птицы, футуристы, имажинисты, насекомые, литераторы, пресмыкающиеся, тюрьмы, редакции, совнаркомы, ватер-клозеты и прочая мировая мебель. На его глазах Сергей Есенин столкнулся лбом с Ллойд-Джоржем — раскололи друг друга пополам и оба рухнули в вечность.

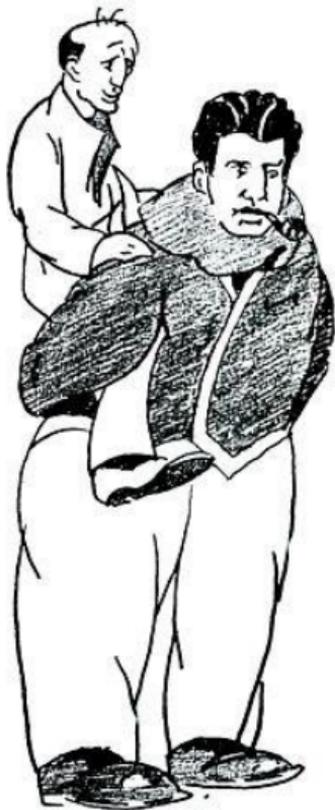
Эйфелева башня кувыркалась где то далеко, между Сатурном и Ураном, в перегонку с неистово визжавшей Айседорой Дункан. Пры-



Карикатура «Вечерние новости» от «Толка» (Бердичев).

гали сапоги в смятку и из кулька в рогожку сыпались звезды — до Сириуса и Красной Звезды включительно. Мелькнул, как метеор профессор Эйнштейн, верхом на Илье Эренбурге, — погрозил Слюзину кулаком, прокричал: «ну, брат Дмитрий Алексеевич, воля твоя, а это свин...» и, не досказав, умолк под обломками рухнувшего откуда то сверху Павла Николаевича Милюкова.

От мира остался невообразимо винигретный хаос. Даже Шаляпин разсыпался. Даже Коминтерна не стало. Крошился па части Чарли Чаплин вперемежку с Гуго Штиннесом. На Венере какой то оператор установил свой аппарат, чтобы запечатлеть на фильме сенсационное зрелище, но был сметен хво-



*Эйнштейн, вернется из
Ильм Эрленбург.*

стом пролетавшей мимо кометы. Уже не было ни северного, ни южного полюсов, и океаны превратились в кипящую уху, ибо Этна, Гекла, Везувий, Котопахи и Екатерина Дмитриевна Кускова извергали лавы свои непрерывно. Г. Поддубный совсем было удержал за вихор напиравшую Азию, но подвернулся под

Один из памятников жертвам войны, открытый во Франции г. Пуанкарэ с соответствующею речью, и был моментально положен на обе лопатки. Андроны ехали безпрестанно. Хеопсова пирамида, — на ней сидели небольшой, но приятной компанией: Мэри Пикфорд, госпожа Коллонтай, ген. Бискупский, Хулио Хуренито и Владимир Маяковский — налезла на Слюзина сзади, хлопнула его по затылку, и бедняку, наверное, пришел бы, конец, если бы он в это самое мгновение не проснулся. А, проснувшись, с наслаждением обрел себя целым, здоровым, и невредимым, и, главное, холостым. Правда, наяву, оказалось также что Дмитрий Алексеевич не определил квадратуры круга, не изобрел *perpetuum mobile* и точка опоры ведома ему не более, чем каждому смертному, за исключением г. Валерия Брюсова. Но нельзя же человеку владеть всеми земными благами: быть и живым, и здоровым, и свободным, да еще гением! Хорошенькаго понемножку, а то не долго и зазнаться.

Ал. Амфитеатров

